

Философский вопрос, поставленный в монологе, тоже имеет явный исторический аспект: параллель, проводимая между Петром Великим и Владимиром Крестителем, уже давно стала общим местом. При всем восхвалении петровских реформ («Повергли идолов в стране мы сей прехвально»), сумароковский герой все же, как и его автор, относился не столько пессимистически, сколько фаталистически к возможностям их окончательного успеха. Возможно, постановка пьесы о древней Руси, как постановка его трагедий, просто придавала ей большую актуальность. Можно даже предположить, что здесь тоже присутствует автобиографический подтекст, так как «Пустынник» впервые был поставлен в первый год образования русского театра, и мы знаем из переписки Сумарокова, что в это время директор нового театра не раз грозил оставить свою должность из-за постоянных хлопот и неприятностей (в 1763 г. наконец его уволили, приняв очередную просьбу об отставке).

Но это второстепенное соображение. Главное, на наш взгляд, — это то, что проблематика «Пустынника» дает возможность обнаружить, что философские предпосылки сумароковского классицизма основаны преимущественно не на французском картезианском (или немецком юридическом) рационализме, как часто утверждается, а на традиции русской просветительской религиозной мысли. Эту традицию игнорировали или ею пренебрегали не только историки-позитивисты XIX и XX вв., которые не признавали религиозной традиции вообще, но и защитники православия, которым был чужд просветительский пафос многих деятелей церкви XVIII в. Восстановить контуры этой традиции в русской культуре XVIII в. и понять ее сложное влияние на новую русскую литературу — важная, но все еще даже не осознаваемая учеными задача.

Просветительская религиозная традиция, выдающимся представителем которой являлся Феофан Прокопович, оказала очень существенное влияние на творчество и общее миропонимание Сумарокова. Как и многие его современники, Сумароков почти обожествлял Петра Великого (см., например: IX, 302—303). Но в то же время Сумароков часто настаивал на том, что корни петровских преобразований уходят в XVII в., в особенности в просветительскую, латинизирующую трагедию, завершителем которой стал Прокопович. Сумароков считал, что Петр Могила, основатель Киево-Могилянской Академии (1632), «первый открыл путь учения Российскому народу» (VI, 320) и часто упоминал о передовой просветительской роли деятелей церкви в новой русской истории. В статье «О российском духовном красноречии» (написанной после 1770 г.) Сумароков также демонстрировал широкое знакомство не только с проповедями Прокоповича (которого Сумароков называет